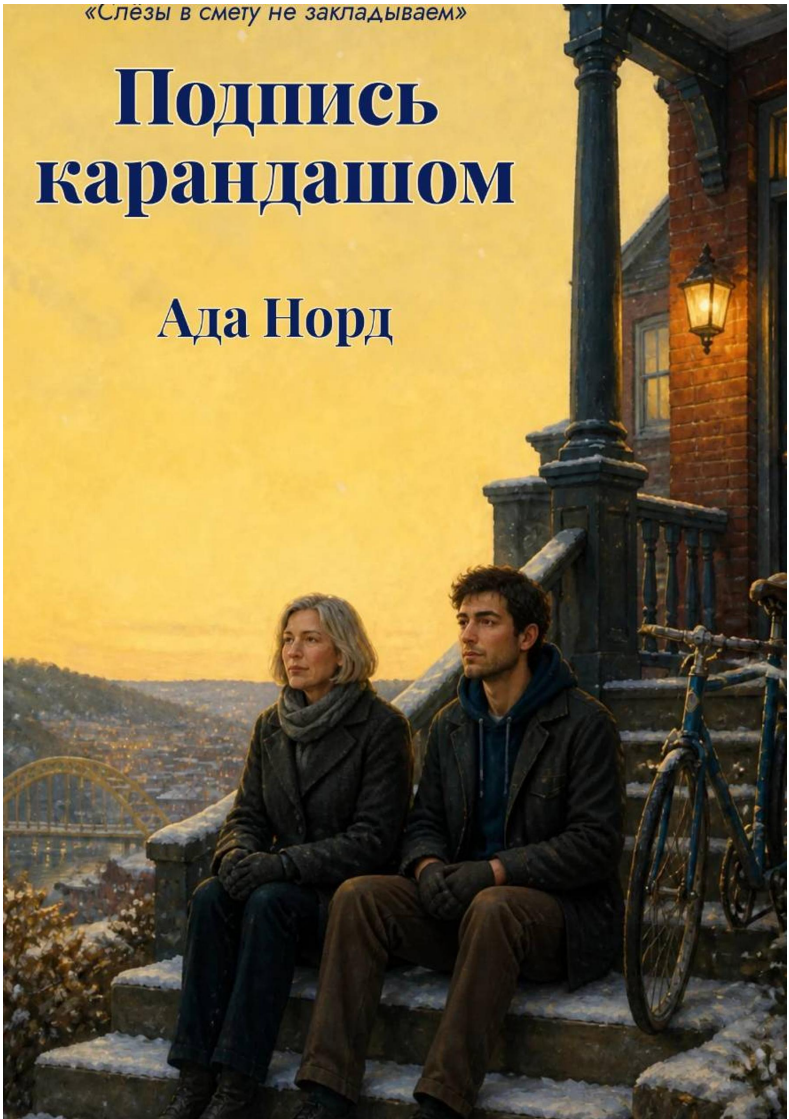
«Слёзы в смету не закладываем»

Подпись карандашом

Ада Норд

Ада Норд
Подпись карандашом

https://litres.ru/74739213
SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать два года Ирина Твердохлебова закрывала заводы по регламенту: спокойно, аккуратно, без истерик. Потом одна её фраза, сказанная в переговорной в Заречинске и попавшая на видео, набрала больше миллиона просмотров, и через три недели корпорация попросила её уйти по собственному желанию.

Дальше были тринадцать месяцев поиска себя, один обаятельный француз и один засохший фикус. Бывший муж женат на учительнице музыки, которая печёт пироги, а взрослый сын звонит, только когда нужны деньги. Чего Ирина не знает, так это на что он их тратит.

Работу ей не предлагают, и она начинает помогать тем, кого, как и её, списали после пятидесяти. Пока на приём не записывается тот самый человек из видео.

Смешной и нежный роман о работе, которую мы теряем, о детях, которых почти потеряли, и о том, как начинать заново.

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 20
Глава 4 28
Глава 5 38
Глава 6 47
Глава 7 56
Глава 8 63
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Ада Норд
Подпись карандашом

Все персонажи, компании и события романа вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми случайны.

© Ада Норд, 2026

Часть первая
Обходной лист

Глава 1
Обходной лист

В Шереметьеве шёл мокрый снег, ноябрьский, из тех, что падают сразу в лужу и считают работу выполненной. Я стояла у выхода из терминала с чемоданом, у которого после Лиссабона был отбит угол, и думала, что за двадцать два года в HR так и не научилась главному: красиво уходить самой.

Других я провожала безупречно. У меня был регламент: обходной лист с подписями бухгалтерии, службы безопасности и склада, ключи, пропуск, ноутбук. Человек обходил все кабинеты, и к вечеру его в компании больше не существовало. Я этим гордилась. Быстро и без истерик.

Себя я так и не оформила. Ушла из одной жизни, не сдав ни одного ключа, и теперь стояла с ними у выхода номер восемь, не понимая, какие двери они ещё открывают.

Таксист оказался разговорчивым и спросил, не из отпуска ли я.

— Из командировки, — сказала я по привычке.

— А, работа. И долгая командировка-то?

— Тринадцать месяцев.

Он присвистнул и больше ничего не спрашивал. Тринадцать месяцев звучит как срок.

Квартира на Фрунзенской набережной встретила меня запахом пыли и чистящего средства. Зоя Михайловна, которая двенадцать лет убиралась у меня раз в месяц, честно отрабатывала деньги: полы блестели, зеркала тоже. Фикус на подоконнике засох. Единственный сотрудник, не переживший моего отсутствия. Полива в договоре с Зоей Михайловной не было, а договор я составляла сама. Мой косяк.

В холодильнике были горчица, оливки и бутылка шампанского, которую я когда-то убрала «на повод». За два года повода так и не нашлось.

В шкафу висели костюмы в чехлах из химчистки, девять штук, от чёрного к светло-серому. Над ними стояли коробки с туфлями на каблуке, в которых я ходила от машины до лифта: улицу я в основном видела через тонированное стекло.

Я сняла пальто, села на диван, не разбирая чемодан, и сделала то, что всегда делала в первый день на новом месте. Провела аудит.

Активы. Три квартиры в Москве: эта, с окнами на реку и Нескучный сад; вторая на Соколе, сдаётся; третья в Раменках, купленная «на будущее Никите» и до сих пор без ремонта. Дом в Испании, где Люк очень убедительно собирался со мной стареть, я так и не купила. Денег на счетах хватит,

если не сходить с ума, лет на пять. Может, на семь. Деньги я всегда умела считать лучше, чем людей.

Персонал. Здесь аудит застопорился.

Муж. Бывший. Дмитрий, двадцать три года брака. Развод мы подписали в электронном виде, пока я сидела в кафе в Порту и ела паштейш, потому что Люк сказал, что без паштейш Португалия не считается. В июне Дима женился снова. Я узнала об этом из фотографии, которую выложила его двоюродная сестра: он улыбался так, как улыбался, кажется, в первый год нашего брака. Я закрыла приложение и заказала ещё вина. Это и была моя антикризисная программа на весь тот год.

Сын. Никита, двадцать два года. Последний раз мы виделись в марте, когда я прилетала на три дня оформить документы.

Француз. Тоже бывший, хотя к Люку это слово подходит плохо. Он был не мужем, не женихом и даже не планом. Скорее погодой. Хорошей, пока не испортилась.

Друзья. Я открыла телефон и пролистала контакты. «Кузнецов, Липецк, директор». «Татьяна HR Сибирь». «Маслов юрист (НЕ БРАТЬ ТРУБКУ)». Половина этих людей когда-то сидела у меня в кабинете и слушала, как я спокойно объясняю, почему их должность сокращается. Другая половина сидела рядом со мной и кивала. Ни тем, ни другим нельзя было позвонить в девять вечера и сказать: «Я вернулась, мне страшно».

Никита был записан «Никита сын», как будто без уточнения я могла его с кем-то перепутать. Между «Максимов, Череповец» и «Маслов» стояла «Мама». Мамы не было пять лет, а номер я так и не удалила: телефон переспрашивает, точно ли, и на этом вопросе я каждый раз нажимаю «Отмена».

Итого персонал: ноль. Вакансии: все.

Я подошла к зеркалу в прихожей. Зоя Михайловна натёрла его до блеска, спрятаться было некуда. Пятьдесят четыре года. Хорошая стрижка, сделанная в Париже две недели назад, когда я ещё думала, что всё будет иначе, и морщины у глаз, которые Люк называл «смешливыми», хотя в последние месяцы я смеялась мало.

Приди такая женщина ко мне на собеседование, я бы написала в заключении: «Опыт большой. Пробел в резюме восемнадцать месяцев, причины не раскрывает. Мотивация неясна. Рекомендую рассмотреть других кандидатов». Я всегда писала коротко. Все хвалили.

Я набрала Никиту. Гудок. Ещё один. На пятом я уже собиралась сбросить, но он ответил.

— Мам, привет.

На фоне играла музыка, кто-то смеялся.

— Привет. Я в Москве. Вот, прилетела сегодня.

— А. Круто. Насовсем или как?

Ответа я не знала, поэтому сказала:

— Да.

— Понятно. Слушай, мам, я сейчас занят, давай потом созвонимся? Скинь на карту, если что, у меня тут…

Дальше было что-то про залог за новую квартиру, но музыка стала громче.

— Хорошо, — сказала я. — Сколько?

— Ну… сорок пять.

Я перевела девяносто. Сама не знаю зачем. Хотя нет, знаю.

— Ого. Мам, я же сорок пять просил. Спасибо. Целую.

— Никит…

Но он уже отключился.

Банк прислал уведомление о переводе, Никита прислал смайлик с сердечком. Весь разговор: одна транзакция и одно сердечко. Такой порядок завёлся у нас лет пятнадцать назад, когда я решила, что деньги объясняют быстрее слов, и долгое время он работал без сбоев.

Через полчаса телефон снова завибрировал. Дима.

Никита сказал, что ты прилетела. С возвращением. Приходи к нам на ужин в субботу, 22-го. Оля будет рада.

Я перечитала сообщение раз пять. «К нам». Так говорят о компании, куда тебя не взяли: мы были рады знакомству, но выбрали другого кандидата. «Оля будет рада». Олю я видела один раз, на той самой июньской фотографии: светлые волосы, платье в мелкий цветочек, рука на плече моего бывшего мужа. Обычная женщина, даже немного скучная. Легче мне от этого не становилось.

Я написала «Спасибо, приду» и стёрла. Написала «По-

смотрю по графику» и тоже стёрла. Какой у меня теперь график? Снова набрала «Спасибо, приду» и отправила.

Повод для шампанского наконец нашёлся, хотя и не тот, на который я рассчитывала. Бокалов в шкафу не оказалось: перед отъездом я отдала Зое Михайловне половину посуды, потому что решила, что больше сюда не вернусь. Пришлось пить из кружки с логотипом холдинга. Её мне подарили на двадцатилетии компании вместе с грамотой «За верность делу». Делу я действительно была верна. Оно мне взаимностью не ответило.

В сумке нашлись ручка и салфетка из самолёта. По старой привычке я расчертила её на две графы: слева «что сдать», справа «подпись ответственного».

Работа.
Сын.
Дима (сдан).
Люк (сдан).
Фикус (списан).
Я.

На последней строчке я задержалась надолго. В правой графе, где должны были стоять подписи, было пусто.

За двадцать два года я подписала несколько тысяч обходных листов и всегда знала, кого поторопить. Здесь торопить было некого. Ответственным лицом по всем пунктам, как ни крути, была я.

Я допила шампанское и уснула прямо на диване, в одежде, рядом с неразобранным чемоданом. Последняя мысль перед сном была о том, что завтра надо купить новый фикус. С чего-то же надо начинать.

Комментарии

Под видео «Заречинск. Как нас закрывали». 1 712 406 просмотров.

Сергей Ватутин: Я на ЗМЗ двадцать шесть лет отработал, в инструментальном. Слушаю этот голос и не понимаю, как так можно. Слёзы у неё в смету не закладываются. А у меня ипотека в смету закладывалась.

Marina_Zar: Папа после закрытия полгода не выходил из дома. Говорил, что стыдно в магазин идти, все знают, что он теперь никто.

optimum_hr: Как специалист скажу: формулировка жёсткая, но по сути верная. Завод был убыточный.

Сергей Ватутин: @optimum_hr ну приезжай к нам, расскажи про суть.

Natasha_perm: Интересно, где она сейчас. Небось на Мальдивах.

Глава 2
Личное дело

Проснулась я в шесть сорок, на диване, в пальто, которое, видимо, надела ночью, когда замёрзла: квартира за тринадцать месяцев отвыкла от людей и грелась неохотно. Чемодан отбитым углом смотрел в сторону двери, как сотрудник, который давно написал заявление и ждёт только подписи.

Первым пунктом на субботу шёл фикус. У метро «Фрунзенская», у выхода на Комсомольский, сколько я живу на этой набережной, стоит цветочный ларёк. Ларёк стоял. Это была первая хорошая новость за сутки.

Продавщица, молодая, в пуховике и митенках, мне обрадовалась. По её словам, в девять утра в субботу к ней ходят только мужья, которые накануне что-то натворили.

Фикусов было три. Самый маленький, сантиметров тридцать, стоял в пластиковом стаканчике. Я пересчитала листья, их было девять. Восемьсот девяносто рублей.

— Вот этот, пожалуйста, — сказала я.

— Бенджамина, — одобрила продавщица. — Хороший. Он капризный, но если понять, как с ним, то нормальный. Вы раньше держали?

— Держала. Засох.

— Ой. А поливали как?

Я подумала, как ответить честно, и ответила:

— Никак. Меня не было тринадцать месяцев.

Она кивнула, как кивает врач, которому пациент наконец сказал, сколько он на самом деле пьёт, и подняла палец в митенке.

— Значит, так. Поливать раз в неделю, водой отстоянной. Перед поливом пальцем проверяете: если земля сухая на две фаланги, можно. Если нет, то нет, и не уговаривайте. От батареи подальше. И не переставляйте его, он переезды не любит, сразу листья скидывает.

Я открыла в телефоне заметки и записала. Получилось так:

Фикус Б. Регламент.
1. Полив: 1 р. в 7 дн., суббота. Вода отстоянная.
2. Контроль: земля сухая на 2 фаланги. Иначе не поливать (без исключений).
3. Батарея: не ближе 1 м.
4. Перемещения запрещены.

Продавщица заглянула мне через плечо.

— Вы бухгалтер, что ли? У меня сестра бухгалтер, она тоже всё по пунктам.

— Хуже, — сказала я. — Кадровик.

Почему хуже, она не поняла, но фикус завернула в два слоя крафтовой бумаги, чтобы не застудить. Я несла его перед собой двумя руками, как торт на юбилей отдела.

Старый фикус я вынесла на балкон. Выбросить сразу не

смогла: девять лет стажа. Пусть числится в резерве. Новый встал на его место, на подоконник у окна на реку, и на фоне Нескучного сада выглядел как стажёр, которого посадили в кабинет генерального.

В воскресенье я перемыла все кружки, разобрала почту и сходила в магазин за кефиром, которого не хотела. Среди счетов за капремонт нашлось прошлогоднее приглашение на корпоративный Новый год СПХ, на моё имя, с золотым тиснением. Ноутбук лежал на кухонном столе с вечера пятницы. Я его обходила. Так обходят коллегу, которому должны деньги.

В девять вечера я его открыла.

Перед финальным интервью мы всегда проверяли кандидата по открытым источникам. В регламенте это называлось «анализ цифрового следа», в отделе говорили проще: погуглить. Правило появилось лет двенадцать назад, после того как мы чуть не взяли финансового директора, которого в Воронеже искали приставы. Себя я не гуглила ни разу. Меня ведь не нанимали.

Я набрала: «Твердохлебова Ирина Сергеевна». Поисковик подсказал, чем можно продолжить: «Твердохлебова слёзы в смету», «#слёзывсметунезакладываем», «Твердохлебова муж», «Твердохлебова возраст». На последнем я задержалась. Кому-то это было важно.

Первой строкой стояло видео. «Заречинск. Как нас закрывали». 1,7 млн просмотров. Ниже новость делового издания:

«HR-директор СПХ покинула компанию по собственному желанию». Ещё ниже моя фотография с форума в Сочи, с той улыбкой, с какой на форумах держат микрофон.

В отделе кадров на каждого заводят личное дело: папку, где лежит всё, что компания о тебе знает. Хранится пятьдесят лет. Моё личное дело теперь вела поисковая система, и вела аккуратнее, чем мы.

Видео я смотрела один раз. В конце апреля, полтора года назад, на заднем сиденье служебной машины. Пресс-служба прислала ссылку с пометкой «Срочно. Для информации». Водитель Костя убавил радио. Я досмотрела до конца и сказала Косте, что радио можно вернуть. Он вернул. Пели что-то про любовь.

Теперь я смотрела второй раз, на кухне, с чашкой чая, как смотрят кино.

Одиннадцать минут сорок секунд. Сомов сидел за кухонным столом, в пиджаке, на лацкане заводской значок. Клеёнка в клетку, сахарница, рядом мобильный телефон. За спиной висел настенный календарь с фотографией цеха и тремя буквами «ЗМЗ», открытый на ноябре. Видео вышло в апреле. Я это отметила машинально, как отмечала в анкетах кандидатов несовпадение дат.

— Меня зовут Геннадий Иванович Сомов, — сказал он. — Тридцать один год я работал на Заречинском механическом заводе. Начинал мастером.

Говорил он медленно, с паузами, в которых я в Заречин-

ске успевала посмотреть на часы. Рассказал, что город стоит вокруг завода, как дом вокруг печки. Сказал, что долго думал, выкладывать это или нет.

— Я слово «оптимизация» не люблю, — сказал он. — И объяснять ничего не буду. Я вам лучше дам послушать.

Он подвинул телефон ближе к камере и нажал на экран.

Сначала был шум. Скрипнул стул, зашуршала бумага, звякнула ложечка о стакан. Потом голос Сомова, тоже из телефона, тише и выше: «…он вот сидит, а она плакала. И я не знал, что ей сказать…» Пауза. Кто-то кашлянул. И мой голос.

— Геннадий Иванович, слёзы в смету не закладываем.

На записи голос у меня был ниже, чем я привыкла слышать его изнутри. Ровный голос, хороший для совещаний. Перед словом «смету» я держала паузу, короткую. Эту паузу я годами ставила стажёрам: пауза перед ключевым словом делает его окончательным. Пауза получилась отличная.

Секунды четыре на записи было тихо. Сомов остановил её, поднял глаза на камеру и сказал:

— Вот так. Две тысячи триста сорок человек.

Больше он ничего не сказал. Через двадцать секунд видео кончилось, и мне предложили посмотреть следующее, про ремонт ванной своими руками.

Я отмотала на полминуты назад и прослушала свою фразу ещё раз, и ещё. На третий раз я слушала уже только кашель перед ней и пыталась вспомнить, кто в зале кашлял. Не

вспомнила. Чай остыл.

Через три недели после этого видео меня уволили.

Встреча была назначена на одиннадцать, по видеосвязи, хотя мой кабинет был этажом ниже кабинета Ковальчука. В приглашении стояло «Обсуждение текущих вопросов», без повестки. Повестку я знала. Документ у нас назывался «Регламент проведения встречи о прекращении трудовых отношений с руководителем уровня N-1», и сочинила его я, когда пришла в директора. Пункт второй: сообщить решение, не обосновывая его. Пункт седьмой: юрист присутствует, но не вмешивается.

Ковальчук шёл по пунктам, и глаза у него уходили влево, на второй монитор. За спиной у него висела карта присутствия холдинга, с красными флажками на заводах. Флажок Заречинска сняли давно, а дырочка от булавки осталась. Её было видно даже через камеру, если знать, куда смотреть. Юрист присутствовал в виде чёрного квадрата с подписью «Юридический департамент». Включать камеру регламент не требовал. Об этом я, когда писала, не подумала.

— Ира, ты же понимаешь, — сказал Ковальчук на пятой минуте.

Я понимала. Лучше меня в компании этого не понимал никто.

Мне предложили соглашение сторон (это когда обе стороны согласны, просто одна узнаёт об этом последней) и шесть окладов. Для прессы готовили формулировку «по собствен-

ному желанию». Встреча шла сорок минут, я говорила минуты четыре, если сложить. По регламенту сотруднику полагалось не больше трети времени, так что Ковальчук справился даже лучше нормы.

На следующий день приехал курьер, молодой, в бахилах поверх кроссовок, забрал ноутбук, служебный телефон и сим-карту и расписался в описи. Про пропуск он не спросил. Я не напомнила.

Пропуск лежал у меня в кошельке, за картой «Азбуки вкуса». Белый пластик, синяя полоса, логотип СПХ. Фотография десятилетней давности: я только стала директором, и на лице у меня было написано, что я знаю, как всё устроено. Деактивировали его в день увольнения, в шесть вечера, по моему же правилу. На сорок второй этаж он бы меня уже не пустил. Даже в лифт.

Я подержала пропуск и положила обратно.

Комментарии под видео я тогда, в апреле, не открывала. Пресс-служба прислала мне выжимку на четыре страницы, «Основные нарративы аудитории». Я прочитала заголовки и закрыла файл.

Сейчас под видео стояло двадцать три тысячи восемьсот шестнадцать комментариев. Я поставила сортировку «Сначала новые». Самый свежий появился девять минут назад. Кто-то сидел сейчас, в воскресенье вечером, может быть, тоже на кухне, и писал про меня. За окном по набережной проехал пустой автобус, освещённый изнутри, как аквариум.

Я придвинула ноутбук ближе и начала читать.

Комментарии

Под видео «Заречинск. Как нас закрывали». 1 712 958 просмотров.

Lena_Kungur: Пересматриваю, когда начальница доводит. Помогает. Понимаешь, что бывает хуже. #слёзывсметунезакладываем

Вовка_ЗМЗ: мне было двенадцать когда закрыли. помню только что батя продал гараж и мы больше никуда не ездили. ну и ГОЛОС этот теперь помню

Marina_Zar: Папа до сих пор, когда по телевизору говорят «смета», переключает канал. Даже если там про ремонт дороги.

optimum_hr: Разбирали эту запись у нас на тренинге по деловым переговорам. Тема была «Как не надо». Хотя пауза перед «сметой», честно, поставлена хорошо.

Глава 3
Знакомство с коллективом

В плане адаптации нового сотрудника первый день расписан по часам. В десять знакомство с коллективом: руководитель обходит с новичком кабинеты, и новичок кивает, ничего не запоминая. Я утверждала этот план раз двадцать, и ни в одной редакции не было пункта на случай, если новичка ведут знакомиться в квартиру, где он прожил двадцать лет.

В субботу, двадцать второго, я переодевалась три раза. Первое платье было для совета директоров. Второе для похорон. В третьем, сером, с длинным рукавом, я выглядела как женщина, которая заехала на минутку и скоро уйдёт. Его я и оставила.

Вино я купила с утра, на Остоженке: шабли премьер крю, четырнадцать тысяч бутылка. Продавец сказал, что к рыбе и к разговору. Рыбы, скорее всего, не будет, разговор будет точно. В «Пушкине» на Тверском взяла медовик, большой, в коробке с вензелями.

Такси довезло меня до Ленинского в шесть пятьдесят восемь. На связке в сумке до сих пор висел ключ от этой двери, длинный, с бородкой. Я нащупала его через подкладку и позвонила в домофон.

— Ира, здравствуйте! Заходите, пятый этаж! — сказал домофон женским голосом.

Этаж я помнила.

На четвёртом этаже в кабину лифта потянуло запахом. Тёплым, тяжёлым, с капустой и сливочным маслом. На пятом им пахло уже так, что не оставалось сомнений, откуда он. Из зеркала на меня смотрела я сама: серое платье, в одной руке коробка с медовиком из «Пушкина», в другой пакет с вином.

Пироги здесь пекли. Мне это могли бы сообщить заранее, но, если честно, никто не обязан был.

Оля открыла дверь в фартуке в мелкий горошек, с мукой на кармане, щёки красные от духовки. Она шагнула ко мне через порог и обняла, прямо с коробкой и пакетом. Обняла по-настоящему, двумя руками, и прижалась щекой. Я застыла с занятыми руками. Так стоят на тимбилдинге, когда ведущий велит обнять соседа справа, а сосед справа из службы безопасности.

— Как хорошо, что вы пришли, — сказала Оля. — Дима, Ира пришла!

Дима вышел из кухни, вытирая руки полотенцем. Свитер, который я не знала. Очки, которые я знала.

— Привет, Ир, — сказал он. — Проходи, раздевайся.

Я отдала ему вино. Оля взяла торт и прочитала надпись на коробке.

— Ой, «Пушкин»! — сказала она. — А я пирог сделала, с капустой. Ну ничего, будет два. К чаю.

Она понесла коробку на кухню так бережно, будто я при-

несла что-то хрупкое и ценное. Это было хуже, чем если бы она поморщилась. Тапочки мне дали гостевые, новые, и Оля сама сорвала с них целлофан.

Квартира была другая. Шторы в гостиной висели льняные, светло-зелёные, а наши были бежевые. Там, где стоял мой письменный стол, за которым я по воскресеньям проверяла бюджеты, теперь стояло пианино, электронная «Ямаха». Мои деловые книги в глянцевых обложках перекочевали на верхнюю полку, к потолку, а на уровень глаз встали сборники сольфеджио.

Дверь на балкон была закрыта, но через стекло я видела велосипед. Синий «Стелс» висел на крюке под потолком, как висел все эти годы, колёсами к окну. Шины спущены. Дима учил на нём Никиту кататься, во дворе, за гаражами, целое лето. Я в то лето была на запуске нового производства в Липецке и видела процесс на фотографиях: Никита в шлеме, Дима бежит рядом, держа за седло. Фотографии были хорошие.

— Садитесь, Ира, садитесь, Никита скоро будет, — сказала Оля. — Он написал, что задерживается.

Мне Никита ничего не писал.

Ужинали мы на кухне, как раньше, за нашим раздвижным столом, только под льняной скатертью в цвет штор. Оля поставила утку с яблоками и картошку. Пирог стоял посередине, под полотенцем, и пах на всю квартиру. Дима открыл шабли.

— Ира всегда хорошее вино выбирает, — сказал Дима Оле. — Попробуй.

Это была его первая за вечер фраза длиннее трёх слов. Он снял очки и протёр их краем свитера, хотя они были чистые. Я этот жест знала двадцать три года. Он значил, что Диме неловко и что дальше он будет молчать.

Он молчал.

Говорила Оля. Про музыкальную школу на Юго-Западной, где один мальчик третий год играет «Старинную французскую песенку» так, будто песенка ему лично должна денег. Про то, что они с Димой летом были в Твери у её мамы и Дима перекрыл маме крышу на сарае. Я кивала. Кивать я умею так, что человек чувствует себя услышанным: два дня тренинга по активному слушанию в Завидове, с кофе-брейками.

Никита пришёл в семь сорок. В прихожей он долго разувался, и я слышала, как Оля говорит ему что-то тихое, а он отвечает «угу».

— А Даша? — спросила Оля, когда они вошли на кухню.

— Заболела.

— Ой. Температура? Может, я ей бульона…

— Не надо. Нормально всё.

Он поцеловал меня в щёку, быстро, куда-то возле уха. Пах морозом и метро.

— Привет, мам.

— Привет. Ну как переезд? Устроились?

— Нормально. Переехали. Коробки ещё стоят.

— Может, нужно что-нибудь? Мебель, техника?

— Не, мам, нормально.

Оля положила ему утку и отдельно, на маленькую тарелку, большой кусок пирога. Никита глянул на пирог, потом на неё.

— Спасибо, — сказал он сквозь зубы и отодвинул тарелку с пирогом к хлебнице.

Утку он съел. Пирог так и стоял у хлебницы, и Оля на него больше не смотрела, но я видела, как она поправила край скатерти, хотя он и так лежал ровно.

Со мной он тоже говорил коротко. Работа нормально. Релиз скоро. Но мне он говорил «мам», а Оле не говорил ничего, даже имени, только «спасибо» и «не надо». Я это заметила, и мне стало приятно. Стыдно мне стало потом, в такси. За столом было просто приятно.

— Ира, а вы сейчас чем занимаетесь? — спросила Оля.

Спросила она по-настоящему: положила вилку, подперла щёку рукой и ждала.

— Отдыхаю пока, — сказала я.

— И правильно, — сказала Оля. — Столько лет без отпуска, кто хочешь устанет. А потом что думаете делать?

— Сейчас у меня период переоценки карьерной траектории, — сказала я. — Рассматриваю несколько направлений. Изучаю рынок.

Это я говорила кандидатам, которые приходили на собе-

седование после года без работы. Точнее, это они говорили мне, а я записывала в заключении: «Мотивация неясна».

— А вам что нравится? Ну, не по работе, а вообще.

Я открыла рот и обнаружила, что ответа нет. В резюме у меня было бы написано «чтение деловой литературы, теннис». В теннис я последний раз играла семь лет назад, на корпоративном турнире, и проиграла финансовому директору, потому что так было нужно.

— Ира хорошо считает, — сказал Дима.

Он сказал это без иронии, и Оля приняла это без иронии. Никита уткнулся в телефон.

— У Димы на работе сейчас тоже… — начала Оля и взглянула на Диму.

— Нормально на работе, — сказал Дима и встал за чайником.

На работе у него было нормально двадцать лет подряд. Слово «нормально», оказывается, было у них семейное. Раньше я этого не замечала. Раньше я ужинала здесь с пятницы по воскресенье.

Медовик Оля нарезала ровными треугольниками и выложила на блюдо рядом со своим пирогом. Дима съел кусок медовика и кусок пирога, по очереди, чтобы никого не обидеть. Я съела кусок пирога. Тесто тонкое, капусты много, с яйцом и, кажется, с укропом. Я не стала спрашивать.

Никита ушёл первым, в девять с минутами: у него созвон. Он поцеловал меня возле уха, кивнул отцу, а Оле сказал «по-

ка» уже в куртке, в сторону вешалки.

Я ушла в половине десятого. Дима подал мне пальто и придержал рукав, как раньше. На полочке под зеркалом лежали его ключи и пропуск на синем шнурке: «СПХ. Лаврентьев Д. П., руководитель технического управления». Мой, с такой же синей полосой, лежал у меня в кошельке.

— Приходи ещё, — сказал он. — Оля будет рада.

Оля стояла рядом и всё слышала. Она кивнула, как будто Дима правильно передал её слова, и вдруг сунула мне в руки стеклянный контейнер.

— Пирог. На завтра. Вы же одна, для себя одной готовить неохота. Я знаю.

— Спасибо, Оля, не нужно, правда, — сказала я.

— Берите, берите, — сказала Оля. — У меня ещё есть, Дима завтра доест.

Я взяла. Спорить в прихожей, в пальто, с контейнером в руках, я не умела. Этому меня тоже нигде не учили.

Дома я поставила контейнер в холодильник. Горчица, оливки и Олин пирог в стеклянной коробке с синей крышкой. Больше там ничего не было. Я постояла с открытой дверцей, пока холодильник не запищал.

Пирог выбрасывать я не стала. Контейнер был хороший, тяжёлый, с резинкой по краю крышки. Такие возвращают.

Комментарии

Под видео «Заречинск. Как нас закрывали». 1 713 544 просмотра.

tanya.k_1987: у неё же наверное семья есть. дети. интересно как они с ней живут. приходишь домой а там тебе смету на ужин

Marina_Zar: Мама в тот год пекла пироги на продажу, возле автостанции стояла. С капустой по тридцать, с картошкой по двадцать пять. На них и жили, пока папа сидел дома.

Lena_Kungur: @Marina_Zar с капустой по тридцать. Господи. Я вчера в кофейне за круассан двести девяносто отдала и ещё ворчала.

Гость_4711: А директор ихний куда смотрел? Довёл завод, теперь кино снимает. Оба хороши.

Глава 4
Выходное пособие (Никита)

В среду, третьего декабря, Никита вышел из дома в 8:34. Даша спала лицом к стене, под двумя одеялами: батареи в новой студии грели вполсилы, хозяин третью неделю обещал прислать мастера. Никита съел два яйца, выпил кефир из пакета и закрыл за собой дверь, придержав ручку, чтобы не щёлкнула.

От двери до офиса тридцать восемь минут: пешком до «Савёловской», потом с пересадкой на кольцо на «Новослободской». Самокат с ноября стоял в прихожей, сложенный. В вагоне Никита открыл чат команды. Там висело сообщение тимлида Егора, отправленное в 7:40: «Двойные списания. Кто первый, смотрите». Ниже скриншот из поддержки. За ночь сорок три жалобы. Люди платили за такси, за кофе, за коммуналку, и деньги уходили два раза. Никита прочитал все сорок три, пока доехал до «Белорусской». Одна женщина писала капслоком, что это у неё последние до зарплаты.

В офис он пришёл в начале десятого. Бизнес-центр у «Белорусской», шестой этаж, опенспейс на восемьдесят мест. Занято было одиннадцать.

Никита снял куртку, повесил на спинку стула и открыл логи.

К десяти он нашёл причину. Кнопка «Оплатить» не бло-

кировалась после первого нажатия. При плохой сети ответ от сервера шёл три-четыре секунды. Человек не видел реакции и нажимал ещё раз, приложение отправляло второй запрос, сервер принимал оба.

— Ну что, нашёл? — спросил Егор. Он стоял за спиной с кружкой.

— Ага. Кнопка не дизейблится. Сеть тупит, люди жмут второй раз.

— Сколько чинить будешь?

— Там три строки. Ну и тесты.

— Давай. Бэк тоже пусть закроет, — сказал Егор. — Чтобы повторный запрос с тем же ключом не проходил. Я им напишу.

Три строки Никита написал за восемь минут. Тесты за сорок. Ещё час ушёл на то, чтобы воспроизвести плохую сеть на тестовом телефоне. В переговорке «Транзакция» был самый слабый вайфай на этаже. Он сидел там с двумя телефонами и нажимал «Оплатить» по два раза, пока второй запрос не перестал уходить.

В 12:30 пришёл ответ от матери. Над ним в чате висело его вчерашнее, ночное.

Мам, есть вопрос по деньгам. Лучше лично.

Привет. Давай увидимся сегодня? Кафе на Цветном, напротив цирка, в 18:30. Я забронировала.

Он прочитал. Минут через двадцать ответил «ок». Сорок пять тысяч в ноябре пришли через минуту после звонка, на

ходу. Семьсот тысяч на ходу не просят.

Обедал за столом, шаурмой из ларька у метро, за триста двадцать. Даша прислала фото: в новой студии отвалилась ручка шкафа. Он ответил: «Вечером прикручу». Ручка была третья за неделю. Студия была на шесть метров больше старой, у той же Савёловской, на пятом этаже. Коробки разбирали вторую неделю.

Бэкенд выкатил проверку ключа в 15:20. В 16:05 поддержка написала, что новых жалоб нет. Сборку с Никитиной кнопкой отправили на ускоренное ревью. Егор поставил в чате большой палец и написал: *Кнопку чинил Лаврентьев. С меня пицца.* Пиццу привезли через час, четыре штуки на девять человек. Никита съел кусок с грибами стоя, у окна. Внизу по Лесной шла снегоуборочная машина, за ней два дворника с лопатами. Сорок три человека, которым списали дважды, получили деньги обратно к пяти. Это тоже было в чате. Никита закрыл ноутбук в 17:50, проверил, не отвалилось ли что-нибудь ещё, и поехал на Цветной.

На метро от «Белорусской» до «Цветного бульвара» двадцать две минуты с пересадкой. Он был в кафе в 18:24.

Стол у окна, на двоих. Табличка «Резерв. Твердохлебова». Никита сел лицом к улице. Официантка принесла меню и воду. Сырники в меню стоили шестьсот девяносто. Он заказал американо за двести девяносто.

Напротив, через дорогу, горел цирк. Над входом бежали красные буквы, по кругу. По Цветному шли машины, Ники-

та считал белые. До 18:30 прошло четыре, потом ещё семь.

Лет с четырнадцати по четвергам он сидел на подоконнике в комнате на Ленинском и считал белые машины. Служебная машина у матери была белая. Мать обещала приезжать в четверг вечером. Приезжала в пятницу. Иногда в субботу.

Она вошла в 18:37. Пальто тёмно-синее, сумка на сгибе руки. Ещё в дверях глянула на часы.

— Прости, пожалуйста, — сказала она, садясь. — Пробка на Садовом. Я должна была заложить время. Это моя ошибка.

— Да ничего.

— Нет, это неправильно. Семь минут. Ты ждал.

— Мам, да нормально всё. Я сам недавно пришёл.

Она сняла перчатки и положила их на край стола, одну на другую, пальцами в одну сторону. Заказала зелёный чай. Чай принесли в чайнике со стеклянной колбой. Она налила одну чашку и пить не стала.

— Ну, рассказывай. Как работа?

— Нормально. Релиз сегодня был.

— И как, удачно?

— Да вроде.

— А что за релиз? Объясни мне, я же в этом ничего не понимаю.

Он подумал, как объяснить.

— Там люди платили два раза. Теперь один.

— Это хорошо, — сказала она. — Двойные списания

очень бьют по лояльности.

Никита кивнул.

— А Даша как? Выздоровела?

— Да. Нормально.

— Обжились на новом месте?

— Почти.

— Квартира-то хорошая?

— Нормальная. Ручки отваливаются.

Она засмеялась. Коротко, сразу перестала. Посмотрела на него внимательно, будто сверяла с чем-то. Никита отпил американо. Он был горький и уже остыл.

— Ты похудел, — сказала она.

— Не знаю. Не взвешивался.

— Папа как?

— Нормально.

— Ты у них часто бываешь?

— Ну так. Иногда.

Она повернула перчатку на столе пальцами в другую сторону.

— Оля хорошо готовит, — сказала она.

Никита ничего не ответил. Она подождала и тоже больше ничего не сказала. Официантка подошла спросить, не нужно ли чего-нибудь ещё. Мать сказала, что нет, спасибо, всё прекрасно.

— Что тебе подарить на Новый год?

— Да ничего не надо, мам.

— Ну ты подумай. Потом скажешь.

На улице у цирка остановился автобус с детьми. Дети выходили парами, в одинаковых жёлтых шапках. Никита смотрел на них.

— Мам, — сказал он. — Я, собственно, по делу. Мне нужно семьсот тысяч. На первый взнос, за машину.

Она не спросила, какую машину. Не спросила, зачем машина человеку, который ездит на самокате. Взяла со стола телефон, открыла приложение и набрала сумму быстро, не глядя на клавиатуру, как набирают пароль. Никита видел, как двигается её большой палец. На заставке телефона у неё стояла стандартная картинка, горы и озеро. Кольца на безымянном пальце не было. Следа от него тоже.

Через четыре секунды его телефон на столе завибрировал.

Поступление 1 400 000 #. Ирина Сергеевна Т.

Никита посмотрел на экран, потом на неё.

— Мам, тут в два раза больше.

— Пусть будет, — сказала она. — Машина всегда выходит дороже, чем считаешь. Страховка, резина, парковка. Возьми нормальную.

— Спасибо, мам.

— Не за что.

Она снова взяла чашку, подержала и поставила. Чай в ней был холодный.

Никита допил американо. На часах в телефоне было 18:47.

— Мам, извини, мне бежать. У меня созвон в семь.

— Конечно, — сказала она сразу. — Иди. Работа.

Он встал, надел куртку. Она тоже привстала, и он наклонился и поцеловал её в щёку, у уха.

— Пока, мам.

— Пока. Пиши.

В календаре у него на вечер ничего не стояло.

На улице было минус четыре. Через окно кафе он видел, что мать сидит, как сидела, и смотрит в телефон. Официантка шла к ней со счётом. У цирка дети в жёлтых шапках уже зашли внутрь. До метро было сто сорок метров.

Станция «Цветной бульвар», серая ветка. До «Савёловской» две остановки, семь минут. Вагон был полный. Никита встал у дверей, напротив схемы, и достал телефон.

Банковское приложение. Главный экран. Карта: 1 438 212 #.

Ниже, следующей строкой, отдельный счёт. Название «Мама». Баланс 1 627 000 #.

Он нажал «Перевести между своими». С карты на «Мама». Сумма: 1 400 000. Приложение спросило, точно ли. Он нажал «Да».

Поезд стоял на «Менделеевской». Двери открылись, вошли двое с лыжами. Один задел Никиту чехлом по плечу и сказал «извините».

Экран обновился.

«Мама»: 3 027 000 #.

Карта: 38 212 #.

Никита закрыл приложение и убрал телефон в карман. На «Савёловской» он вышел, поднялся по эскалатору, шагая через ступеньку. Сто шестьдесят две ступеньки, он когда-то считал. Наверху, у выхода, женщина в оренбургском платке продавала мандарины из коробки, двести рублей килограмм. Никита взял килограмм. Даша любила абхазские. Эти были абхазские, на коробке так и было написано, от руки.

Дома пахло жареным луком. Даша сидела на полу, на подушке, перед ноутбуком. На экране был макет банковского приложения, чужого, она делала его для клиента. Вокруг стояли три неразобранные коробки. На одной маркером было написано «КУХНЯ / ХРУПКОЕ», на другой «НИКИТА / РАЗНОЕ».

— Привет, — сказала она, не поднимая головы. — Ручку прикрутишь?

— Прикручу. Я мандаринов взял. Абхазских.

Он разулся, снял куртку, поставил мандарины на подоконник и положил телефон на стол экраном вверх.

— Ну как она?

— Нормально.

Даша подняла голову. Телефон на столе загорелся: пришло сообщение в рабочий чат. Под ним на заблокированном экране висело непрочитанное уведомление от банка, ещё из метро: «Пополнение счёта „Мама“: +1 400 000 #». Три секунды, и экран погас.

Даша посмотрела на телефон. Потом на Никиту. Он стоял у двери шкафа, крутил в руках отвалившуюся ручку.

Она ничего не сказала. Встала, налила воду в чайник из фильтра и включила. Достала две кружки. Синюю, с отбитой ручкой, поставила ближе к нему. Эту кружку он привёз с Ленинского. Отец купил её ему в первый класс, в «Детском мире», вместе с ранцем. Ручку Никита отбил в девятом, о раковину. Кружку не выбросил.

— Мне мама звонила, — сказала Даша от плиты. — Мои зовут нас на Новый год в Калугу. С тридцатого по второе. Поедем?

— Поедем.

— Папа тебе хочет показать, как он баню утеплил. Он мне про это уже три раза писал. С фотками.

— Посмотрю.

Чайник шумел две минуты сорок секунд. Никита за это время нашёл в коробке «НИКИТА / РАЗНОЕ» отвёртку и прикрутил ручку. Подёргал. Держалась.

Около восьми телефон снова завибрировал. Мать.

Доехал?

Никита не сразу взял телефон. Даша поставила перед ним кружку.

Он напечатал «да, спасибо» и отправил.

Через минуту пришло сердечко.

Комментарии

Под видео «Заречинск. Как нас закрывали». 1 714 203 просмотра.

Валентина Ткач: Я с ней работала, в Липецке, восемь лет назад. Нас тогда тоже сокращали. Она одна на совещании добилась, чтобы людям дали три оклада, а не два, как хотели москвичи. Я не защищаю. Просто было и такое.

Вовка_ЗМЗ: а дети у неё есть? я бы на месте её детей фамилию сменил

Natasha_perm: @Вовка_ЗМЗ а дети при чём? Дети за родителей не отвечают. Их, может, и не спрашивал никто.

Глава 5
Резюме

Резюме я не писала двадцать два года. Последнее было для внутреннего конкурса, когда я из экономистов просилась в кадры: полторы страницы, с фотографией три на четыре и графой «Владение ПК: уверенный пользователь». С тех пор резюме мне только присылали. Прочитала я их, по самой скромной оценке, тысяч сорок. Я знала, как выглядит хорошее, и по первому абзацу могла сказать, сколько человек просидел без работы и сколько раз переписывал раздел «О себе».

Свой раздел «О себе» я переписала одиннадцать раз.

Села я за него в понедельник, восьмого декабря, в десять утра, как на работу. Сварила кофе, поставила ноутбук на кухонный стол у окна, рядом с фикусом на подоконнике. Открыла пустой документ. Шапку написала за минуту: «Твердохлебова Ирина Сергеевна. Директор по персоналу. Опыт в управлении персоналом: 22 года». Дату рождения ставить не стала. Я сама двадцать лет советовала кандидатам старше сорока пяти её не ставить и сама же первым делом высчитывала возраст по году окончания института. Год окончания института я тоже убрала.

Дальше шёл опыт работы. Он был простой: одна компания, двадцать шесть лет, четыре строчки. Экономист, мене-

джер по персоналу, директор по персоналу, член правления. Лояльна до потери рыночной стоимости. Хедхантеры любят людей, которые меняли работу раз в три-четыре года: значит, их хотели. Меня, получалось, хотели только один раз.

Потом я дошла до «Достижений».

В хорошем резюме достижения пишутся в цифрах. «Занималась подбором» вычёркиваем, пишем «закрыла сто двадцать вакансий за год со средним сроком двадцать один день». Цифры у меня были. Я выписала их столбиком, как всегда выписывала показатели для правления.

«Выстроила систему оценки персонала для 31 000 сотрудников в 14 регионах».

«Сократила текучесть линейного персонала на 18%».

«Внедрила корпоративный университет».

«Оптимизировала численность персонала на 4 100 человек».

На четвёртой строчке я остановилась. На правлении за эту строчку мне аплодировали. В буквальном смысле: Ковальчук сказал «коллеги, давайте поблагодарим Ирину Сергеевну», и коллеги похлопали, коротко, как в самолёте после посадки. Четыре тысячи сто человек. Две тысячи триста сорок из них были в Заречинске, остальные в Липецке, в Череповце и по мелочи.

Я стёрла строчку. Резюме сразу стало выглядеть как резюме человека, который двадцать два года проводил тренинги. Я вернула строчку обратно. Резюме стало выглядеть

как приговор, подписанный в трёх экземплярах. Я заменила «оптимизировала» на «провела реструктуризацию», затем на «реализовала программу повышения эффективности», а затем на «обеспечила социально ответственное высвобождение персонала» и посмеялась вслух, одна, на кухне, потому что эту формулировку придумала тоже я, для годового отчёта, и её потом три года цитировали на отраслевых конференциях.

К вечеру строчка звучала так: «Руководила проектами реструктуризации производственных активов (более 4 000 сотрудников), включая разработку программ социальной поддержки». Это была правда. Программы были. Одна из них называлась «Новый старт» и включала в себя курсы бухгалтерского учёта для фрезеровщиков.

Раздел «О себе» в итоговой редакции состоял из одной фразы: «Ориентирована на результат». Остальные десять вариантов я сохранила в отдельную папку. Назвала её «Черновики». Подумала и переименовала в «Архив».

Отправила я резюме в четверг трём хедхантерам. Всех троих я знала лично: платила им по три оклада за позицию и пила с ними кофе на отраслевых форумах. Карина из агентства на Пресне ответила через сорок минут: «Ирина Сергеевна, рада слышать! Посмотрю, что есть, и вернусь». Евгений Борисович, который подбирал топов для всей металлургии, ответил на следующий день, длинно и тепло, с вопросом про мои зарплатные ожидания. Яна Дейнеко ответила одним

словом: «Получила».

В тот же четверг я написала Вадиму Рябову.

Писать ему было неприятно, как неприятно звонить в банк, где тебе однажды отказали в кредите. Но Рябов был финансовым директором СПХ, Рябов знал всех, и Рябов, в конце концов, был мне должен. Решение по Заречинску было его. Голос на записи был мой. Мы оба это знали. На совете директоров, когда разбирали «медийную ситуацию», он сидел через два кресла от меня и смотрел в планшет.

Он ответил через час: «Ира, рад! Давай пообедаем во вторник, в „Сыроварне“, в Сити. 13:30 ок?»

Во вторник, шестнадцатого, я приехала на пять минут раньше. Рябов опоздал на десять, извинился («совет, сама знаешь») и обнял меня одной рукой, второй убирая в карман телефон. Он немного поседел и стал ещё лучше одеваться. Так бывает с финансовыми директорами: каждый удачный квартал оседает на них в виде кашемира.

Он заказал буррату и пасту с белыми грибами. Я заказала салат. Поговорили про погоду, про пробки на Кутузовском, про его дочь, которая поступала в Лондон и не поступила, и теперь он не знал, радоваться или нет. Я рассказала про Лиссабон, очень коротко, как рассказывают про командировку. Он сказал: «Молодец, правильно, отдохнуть надо было».

Тогда я и сказала, что ищу работу.

Рябов отложил вилку. Буррата у него была съедена наполовину, ровно, по диаметру.

— Ира, — сказал он. — Я тебе скажу как есть. Ты же меня знаешь.

Я его знала.

— Слушай, сейчас не время. Честно. Рынок осторожный. Все сидят, никто никого не берёт на такие позиции, бюджеты режут. А твоё имя… — Он покрутил в пальцах салфетку. — Ну, ты понимаешь.

Я понимала. За полтора года мне второй раз говорили «ты понимаешь» вместо всего остального. Первым был Ковальчук, на пятой минуте видеосвязи.

— Понимаю, — сказала я.

— Но я поспрашиваю, конечно. Ты не думай. Если что-то будет, сразу тебе. Сразу.

Телефон у него завибрировал. Он глянул на экран и сделал лицо, которое я сто раз видела на правлении: лицо человека, которого срочно вызывают туда, где без него рухнет квартальная отчётность.

— Ир, прости, ради бога. Надо бежать. Вот это вот всё, сама знаешь.

Он поднял руку, и официант принёс терминал раньше, чем счёт. Рябов приложил карту, не глядя на сумму. Поцеловал меня в щёку, сказал «держись» и ушёл. Пальто он надевал уже на ходу, у гардероба.

Паста с белыми грибами стояла нетронутая. Буррата наполовину. Я сидела перед ними ещё минут пятнадцать. Официант спросил, упаковать ли с собой. Я сказала, что нет.

Токсичным кандидатом у нас называли человека, после найма которого пресс-служба просит отпуск за свой счёт. Им может быть кто угодно: бывший топ, который судился с прошлым работодателем; финансист, чьё имя мелькало в деле о банкротстве; пиарщик, неудачно пошутивший в соцсетях; директор по персоналу, чей голос набрал миллион семьсот тысяч просмотров. Профессионально он может быть безупречен. Это не имеет значения. Таких кандидатов мы даже до финала не допускали. Я сама писала служебную записку о том, как выявлять их на раннем этапе. Пункт третий: проверка по открытым источникам.

Карина не вернулась. Ни через неделю, ни через две. Я написала ей вежливое напоминание, она его прочитала и не ответила. Евгений Борисович ответил на первое письмо, на второе написал «Ирина Сергеевна, держу в фокусе», на третье не ответил совсем. «Держу в фокусе» я знала. Так говорят, когда фокус давно сместился.

Яна Дейнеко позвонила сама, двадцать третьего, в половине девятого вечера. Ей было лет тридцать пять, она занималась подбором в промышленности и всегда говорила то, что думала, за что её и ценили, и не любили.

— Ирина Сергеевна, добрый вечер. Извините, что поздно. Можно честно?

— Нужно, Яна.

— Я ваше резюме двум клиентам показала. Неофициально, без фамилии. Оба сказали: «Класс, давай». Потом я на-

звала фамилию. — Она помолчала. — Ирина Сергеевна, гуглитесь вы плохо.

Я засмеялась. Яна, кажется, обиделась.

— Я вообще-то серьёзно.

— Я знаю, — сказала я. — Спасибо, Яна. Это лучшая обратная связь, которую я получала за последние двадцать лет.

Это тоже была правда.

Новый год я встречала одна. Так сложилось по графику. Никита с Дашей с тридцатого уехали в Калугу, к её родителям. Дима с Олей встречали дома. Меня никто не звал, и правильно: я бы не пошла.

Вечером Дима прислал фотографию. Их ёлка стояла в гостиной, у пианино, живая, до потолка. Под фотографией текст: «Ира, с наступающим! Здоровья, всего самого доброго в новом году. Дима и Оля». Я увеличила снимок. На третьей ветке снизу висел стеклянный космонавт в красном скафандре. Космонавта я купила в ГУМе, когда Никите было пять, потому что он просил ракету, а ракет не было. Космонавт висел на своём месте.

Я ответила: «Спасибо. И вам».

В 23:52 написал Никита: «С НГ, мам!» И сердечко.

Я набрала: «С Новым годом, зайчик. Целую. Привет Даше и её родителям». Стёрла «зайчик», он этого не любил. Потом вернула.

Без двух минут двенадцать я открыла в телефоне заметку «Фикус Б. Регламент». Пункт первый: полив раз в семь дней,

суббота. Была среда, через две минуты четверг. Пункт второй: контроль, земля сухая на две фаланги, иначе не поливать, без исключений. Я сунула в горшок палец. Земля была сухая ровно на две фаланги. Батарея под подоконником работала на совесть. Пункт третий, «не ближе 1 м», я нарушала с первого дня: другого окна на реку на кухне не было.

Под бой курантов из соседской квартиры я налила в кружку «За верность делу» отстоянной воды и полила фикус. Медленно, по кругу, как велела продавщица. Вода ушла в землю за двенадцать ударов.

Я открыла шампанское, купленное днём в «Азбуке», и пошла искать бокал. Бокалов по-прежнему не было. В ящике кухонного стола, под пачкой бумажных салфеток, лежала моя ручка. Parker, чёрная, с золотым пером, в футляре. Мне её подарили, когда я стала директором. Ею я подписывала приказы. Все, за девять лет. Заречинский тоже.

Я подержала футляр и закрыла ящик.

Комментарии

Под видео «Заречинск. Как нас закрывали». 1 715 087 просмотров.

Сергей Ватутин: Всех с наступающим. Третий Новый год встречаю на Ямале. Жена пишет, что дома минус тридцать два и трубы держат. Хоть что-то держит.

Marina_Zar: С Новым годом, заречинские. Где бы вы ни были. Папа просил передать, что ёлку поставили, как раньше, на площади у проходной. Только проходной уже нет.

Глава 6
Совещание в Заречинске

Это было в ноябре, за три года до моего возвращения. Мне был пятьдесят один год, я восьмой год сидела в кресле директора по персоналу и летала в командировки так часто, что в Шереметьеве меня узнавала девушка на досмотре.

Рейс на Пермь был в шесть сорок. Я спала в самолёте час, остальное время читала справку по заводу. Справку готовил мой отдел, тридцать две страницы, с графиками. Заречинский механический завод, основан в 1956 году. Численность 2 340 человек. Средний возраст работника сорок семь лет. Убыток за три последних года такой, что финансовая служба выделяла его в отчётах красным, как опечатку. Город Заречинск, тридцать одна тысяча жителей. Градообразующее предприятие: если закрыть завод, город останется, но перестанет понимать, зачем.

В Перми меня встретил заводской водитель на сером «Патриоте». Он взял мой чемодан, открыл мне заднюю дверь и до самого Заречинска не сказал ни слова. Ехали три часа с небольшим. Сначала по трассе, потом по двухполоске через поля. Снег уже лёг, но неплотно, и из-под него торчала жёлтая сухая трава. Берёзы, ели, автобусная остановка с выбитым стеклом, снова берёзы. На второй час водитель включил радио, послушал прогноз погоды и выключил.

— У меня жена в литейке, — сказал он, когда мы въехали в город.

Больше ничего. Я сказала «понятно» и сделала пометку в блокноте. Пометку я сделала по привычке: литейный цех, жена водителя. Зачем, не знаю.

Заводоуправление стояло напротив проходной. Четыре этажа, колонны, над входом барельеф: рабочий с молотом и девушка со снопом. Девушку со снопом недавно покрасили, рабочего так и оставили. Внутри пахло мастикой и столовой. На стене висела Доска почёта, фотографии выгорели до одинакового цвета, и лица на них были похожи друг на друга, как бывают похожи родственники.

Совещание проводили в актовом зале, потому что переговорной на двадцать человек на заводе не было. Зал на триста мест, бордовые шторы с бахромой, сцена. Слева от сцены на постаменте бюст первого директора, Константина Фёдоровича Луговского, бронзовый, с лысиной, натёртой до блеска. Кто-то, видимо, трогал её на удачу. Перед сценой поставили длинный стол, накрытый зелёным сукном, и проектор. На экране проектора висел Рябов. Он подключался из Москвы, из своего кабинета, и картинка запаздывала на полсекунды, так что он кивал чуть позже, чем надо.

Сомов был на месте раньше меня. Он встал, когда я вошла, и пожал мне руку. Рука у него была сухая и твёрдая. Пиджак серый, на лацкане заводской значок «ЗМЗ 1956». С ним были трое: главный инженер, главный технолог Шубин

и начальник ремонтного цеха, большой человек с бородой, который за всё совещание сказал одно слово. Ещё была женщина из планового отдела, с папками.

До начала оставалось двенадцать минут, и Сомов предложил мне чаю. Буфет был на втором этаже. Буфетчица в белом колпаке посмотрела на меня так, как смотрят на врача, который приехал из области с плохими анализами.

— Вы из Москвы, что ли?

— Из Москвы.

— Тогда с капустой берите, они свежие. С ливером вчерашние.

Пирожки стоили сорок рублей. Я взяла с капустой и чай в гранёном стакане с подстаканником. Пирожок был горячий, тесто чуть сладкое. Я съела его стоя, у окна, с видом на заводскую трубу, и он был лучше всего, что я ела в командировках за год. Сомов стоял рядом и пил чай без пирожка.

— Хорошие у вас пирожки, — сказала я.

— Хорошие, — согласился Сомов. — У нас буфет тридцать лет одна семья держит. Вы ещё возьмите, в дорогу.

Я и это записала бы, но блокнот остался в зале.

Совещание началось в три. Вела его я. Повестка у меня была на одну страницу, три пункта, и главный из них назывался «Согласование графика мероприятий по прекращению производственной деятельности». Закрыть вопрос нужно было сегодня. В понедельник был совет директоров, Рябову нужна была строчка «согласовано с менеджментом пло-

щадки», и у меня был обратный билет на завтра, на 10:20.

Сомов попросил слово первым. Я дала.

Он раздал всем папки. На папках было напечатано: «Программа сохранения производства. Заречинский механический завод». Двадцать три страницы. В бумагу он не заглядывал, он знал её наизусть.

Сократить численность вдвое, до тысячи ста семидесяти человек. Оставить ремонтный цех, четыреста человек, на ремонте железнодорожных узлов: под это уже был предварительный разговор с депо в Перми. Литейку законсервировать, но не резать. Механосборочный перепрофилировать под сельхозтехнику. Вложения триста восемьдесят миллионов. Окупаемость четыре года, если не сорвётся депо, пять, если сорвётся. Он не завышал. Я проверяла его цифры потом, ночью, и они сходились. Это меня, помню, удивило: директора заводов на таких совещаниях обычно приносят цифры, сделанные под ответ.

Рябов выслушал с экрана. Полсекунды запоздания, кивок.

— Геннадий Иванович, спасибо, работа серьёзная, — сказал он. — Но у холдинга нет четырёх лет. И пяти нет. Решение по площадке принято, мы сегодня обсуждаем график, а не решение.

— Решение кем принято? — спросил Сомов.

— Правлением, Геннадий Иванович. Выписку из протокола вам пришлют.

Это была правда. Правлением, по представлению финан-

совой службы. Представление писал Рябов.

Сомов помолчал. Паузы у него были длинные, я тогда впервые их заметила. В паузах он смотрел на бюст Луговского, как будто сверялся.

— Вы только, Ирина Сергеевна, слово «оптимизация» при мне не говорите, — сказал он наконец. — Говорите уж прямо: закрыть.

— Хорошо, — сказала я. — Закрыть.

Дальше пошёл мой пункт. Я рассказала про сроки. Уведомить профсоюз и службу занятости не позднее чем за три месяца, потому что сокращение массовое. При массовом государство хочет знать заранее, хотя сделать ничего не может. Уведомить каждого работника лично и под подпись не позднее чем за два месяца. Выходное пособие, сохранение среднего заработка на период трудоустройства, программа переобучения «Новый старт», автобусы до Перми для желающих пройти собеседования на предприятиях холдинга. Всё было сделано по закону и даже немного сверх. Этим «сверх» можно было гордиться, и я гордилась.

Главный инженер спросил про сроки демонтажа. Женщина из планового отдела спросила, что будет с заводским детским садом. Я ответила про демонтаж и пообещала уточнить про садик. Шубин, главный технолог, не спросил ничего. Он сидел, сложив руки на папке, и смотрел на зелёное сукно.

Было без десяти четыре, когда Сомов заговорил снова.

Он говорил про город. Про то, что ближайшее другое

предприятие в девяноста километрах, и оно само на ладан дышит. Что возить людей автобусами до Перми на собеседования хорошо, но жить они будут здесь, в Заречинске, потому что квартиру тут не продашь, кому она нужна. Что у него в ремонтном цехе три династии, деды, отцы и внуки, и он не знает, как им сказать. Говорил он медленно, и чем дальше, тем медленнее.

— Вчера у меня в кабинете жена Шубина сидела, — сказал он. — Антонина Петровна. Час сидела. Плакала. Она в бухгалтерии у нас, двадцать два года. Он вот сидит, а она плакала. И я не знал, что ей сказать.

Шубин не поднял глаз.

Рябов на экране покосился куда-то вбок, на второй монитор. Кто-то в зале кашлянул. Я взглянула на часы. Было 15:56 по-местному, в Москве на два часа меньше. Мне нужна была строчка «согласовано» до пяти, потому что в три по Москве Рябов уходил на бюджетный комитет и после него был недоступен до понедельника. Я давно знала эту точку на совещаниях, где разговор переходит из цифр в слёзы и дальше может идти сколько угодно. Меня учили её закрывать.

— Геннадий Иванович, — сказала я. — Слёзы в смету не закладываем.

Паузу перед «смету» я держала, как учила стажёров.

В зале стало тихо. Даже проектор, кажется, перестал гудеть. Начальник ремонтного цеха, большой человек с бородой, медленно положил ручку на стол. На стороне заводских,

среди папок, лежал чей-то телефон, экраном вниз. Телефоны на совещаниях лежат у всех. Я скользнула по нему взглядом и перевела глаза на Сомова.

Сомов закрыл свою папку. Аккуратно, двумя руками, как закрывают книгу, дочитав.

— Понял, — сказал он. — Давайте ваш график.

К пяти мы всё согласовали. Рябов поблагодарил («Ира, спасибо, отлично») и отключился. Экран стал синим. Сомов снова пожал мне руку той же сухой, твёрдой ладонью и ушёл, не дожидаясь замов.

Гостиница «Кама» стояла на центральной площади, напротив Дома культуры. Номер на втором этаже, «полулюкс»: ковёр, телевизор на тумбочке, батарея, которая грела так, что я открыла форточку. Из окна были видны заводские трубы и два освещённых окна в заводоуправлении. Ужинать я не пошла.

В одиннадцать по-местному я позвонила домой. На Ленинский, на городской, потому что мобильный у Димы вечером лежал где попало. Трубку снял он.

— Дим, это я.

— Привет. Ну как там?

— Нормально. Всё согласовали, завтра лечу. Вы как?

— Нормально. Поужинали вот.

— А что ели?

— Гречку с котлетами. Я пожарил.

— А Никита дома?

— Дома. В наушниках, у себя.

— Позови его, пожалуйста.

Я слышала, как Дима положил трубку на тумбочку и пошёл по коридору. Как постучал в дверь Никитиной комнаты. Как что-то сказал. Шаги вернулись одни.

— Говорит, потом. Он с ребятами играет, у них там… командное что-то.

— Ладно, — сказала я. — Ничего. Передай, что я звонила.

— Передам. Ложись давай, у вас там уже ночь.

Никите было девятнадцать. Командное что-то у него было каждый вечер, а я звонила не каждый.

Спать я не могла. В номере был электрический чайник и два пакетика чая «Принцесса Нури» в бумажной корзиночке. Я заварила оба в одной чашке, достала ноутбук и села за стол у окна составлять план мероприятий по высвобождению персонала. Две тысячи триста сорок человек. Три очереди. Первая очередь, литейный и механосборочный, восемьсот девяносто человек. Вторая, вспомогательные службы. Третья, ремонтный цех и заводоуправление: их увольняли последними, потому что кто-то должен был оформить увольнение остальных. В таблице было двадцать шесть столбцов: фамилия, табельный номер, должность, стаж, наличие льгот, иждивенцы. Я работала до четырёх утра. Чай остыл, я его допила холодным.

В четыре в заводоуправлении ещё горело одно окно. Третий этаж, угловое. Я знала, чей это кабинет, мне показывали

днём.

Приказ я подписала по доверенности через десять дней, в понедельник, в Москве, у себя в кабинете на сорок втором этаже, своей ручкой Parker. Подпись вышла ровная, с длинным хвостом у «Т». Чернила высохли за три секунды. Секретарь забрала приказ, и я поехала обедать.

Комментарии

Под видео «Заречинск. Как нас закрывали». 1 715 830 просмотров.

Римма_буфет: Я её помню. Пирожок с капустой брала и чай. Сказала, хорошие пирожки. Я потом думала, она хоть поела нормально, раз такое приехала говорить. Глупая я.

Сергей Ватутин: @Римма_буфет Римма Фёдоровна, это вы? Живы-здоровы? Пирожки ваши по сей день снятся.

Римма_буфет: @Сергей Ватутин я, Серёжа, я. Внучка мне тут всё настроила. Буфета нет, а пирожки пеку, заходи.

Глава 7
Люк

В июне, через месяц после увольнения, я улетела в Париж. Одна, на две недели, «отдышаться». Так я сказала Диме по телефону, и он ответил «давай», как отвечал на всё последние лет десять.

Летела я через Белград, по старой пятилетней французской мультивизе, оформленной ещё для командировок: отдышаться по ней можно было ровно до августа. Отель я забронировала возле Лионского вокзала, окнами во двор.

Из аэропорта я доехала до этого вокзала на электричке, и там, на выходе с перрона, у чемодана отломилось колесо. Хрустнуло, и чемодан лёг на бок, как корова. Я стояла посреди зала в льняном брючном костюме и не могла сообразить, кому звонить. Раньше в таких случаях я звонила помощнице. Помощницы у меня больше не было. Был телефон, в котором половина контактов не брала трубку.

— Attendez, — сказал кто-то сзади. — Подождите. Одну секунду.

Первое слово было французское, остальные английские. Мужчина под шестьдесят, загорелый, с седыми волосами, которые давно пора было постричь. Он присел на корточки, перевернул мой чемодан, как переворачивают черепаху, и осмотрел колесо.

— Так. Ось вылетела, — сказал он. — Ерунда, пять минут.

Он достал из кармана складной нож. Деревянная ручка, тёмная от рук, лезвие узкое. Из другого кармана вынул канцелярскую скрепку, разогнул её и через пять минут поставил колесо на место. Я стояла рядом и держала его сумку, потому что он сунул мне её в руки, не спросив.

— Voilà, — сказал он и прокатил чемодан передо мной туда и обратно. Колесо ехало. — До Москвы не доедет. До отеля доедет.

— Подождите. А откуда вы знаете, что я из Москвы?

— Бирка. — Он постучал пальцем по багажной бирке на ручке, где стояло SVO. — И потом, вы похожи на женщину, которая приехала оттуда, где холодно.

Его звали Люк. Он был из Лиона, ждал группу американцев с поезда из Ниццы, чтобы везти их в Бургундию. Поезд опаздывал на час двадцать.

— Хотите кофе? — спросил он. — Мне всё равно ждать.

Я предложила «Голубой поезд», ресторан с золотыми потолками там же, на вокзале, где когда-то обедала с французскими партнёрами СПХ. Люк поморщился, как будто я предложила ему пообедать в музее, и повёл меня через дорогу, в кафе с пластиковыми стульями на тротуаре. За два кофе заплатил он, мелочью, долго выбирая монеты на ладони.

Американцы прислали Люку сообщение: в Ницце им понравилось, и в поезд они не сели. Люк прочитал его вслух, пожал плечами и сказал:

— Ну вот. У меня есть фургон и неделя. У вас чемодан на трёх с половиной колёсах. По-моему, это уже почти план.

Я сказала «нет». Я сказала, что у меня забронирован отель. Что я его совсем не знаю. Что мне пятьдесят три года, и в пятьдесят три года женщины не садятся в фургон к незнакомому французу на Лионском вокзале.

Через два дня я сидела у него в фургоне.

Фургон был старый белый «Ситроен Джампер», с лионскими номерами. Внутри пахло кофе и соляркой, и мешочек сухой лаванды под сиденьем ничего с этим не делал. На зеркале заднего вида висел синий шарф в клетку. Люк сказал, что шарф висит там на случай, если вдруг станет холодно. В июне холодно не становилось. Шарф висел.

Неделю мы ездили. Два дня в Париже, потом Бургундия: Бон, Нюи-Сен-Жорж, деревни, которые я раньше видела только на винных этикетках по пятнадцать тысяч за бутылку. Люк чинил всё, что ломалось, от моего чемодана до ставни в придорожном кафе, и через пять минут разговора его угощали.

В Боне на рынке он купил кило черешни у старика с белыми усами, и мы ели её на капоте фургона, плюя косточки в канаву наперегонки. Я проиграла. Косточки я не плевала с пионерского лагеря, и навык, как выяснилось, не восстанавливается.

За гостевой дом в Боне, девяносто евро за ночь, платила я. Люк не возражал и не благодарил, кивнул, как кивают, когда

за столом передали соль, и пошёл чинить хозяйкиному внуку велосипед.

Рядом с ним можно было не составлять план на завтра. Спала я плохо, как весь тот год, по три-четыре часа, но в пять утра над виноградниками стоял туман, и можно было смотреть на туман.

Люк спрашивал меня обо всём. Люблю ли я устрицы. Как по-русски «улитка». Есть ли у меня дети. Я ответила: сын, двадцать один год. Он сказал: «Взрослый. Хорошо». И больше про сына не спрашивал.

Одного вопроса он так и не задал. Он ни разу не спросил, кем я работаю.

Первые три дня я ждала, с отрепетированным ответом наготове: «Консультант по управлению. Сейчас в перерыве между проектами». Он спрашивал про устриц. На четвёртый день ответ из головы ушёл, на шестой я перестала ждать.

Это было главное. Человек смотрел на меня и видел женщину в льняных брюках, которая не умеет есть улиток. Он вообще не знал, что есть запись.

В последний вечер он спросил:

— А осенью приедешь?

— Не знаю, — сказала я. — Правда не знаю.

— Это хороший ответ, — сказал Люк. — Честный. Я тоже никогда не знаю.

В июле я вернулась в Москву. Через три дня поехала на Ленинский.

Дима был на кухне, мыл посуду после ужина. Я села за стол, раздвижной, который мы покупали вместе в «Ленинском» универмаге. Клеёнка была та же, в мелкую синюю клетку. Я сказала, что хочу развода. Что уезжаю. Куда, пока не знаю. Надолго. Что квартиру на Ленинском делить не буду, пусть остаётся ему.

Дима выключил воду, вытер руки и повернулся ко мне. Снял очки и долго протирал их краем футболки. Протирал он их так долго, что я успела рассмотреть на клеёнке пятно от утюга, которое поставила сама, лет пятнадцать назад, когда гладила на кухне блузку перед правлением.

Он надел очки.

— Никите сама скажешь, — сказал он.

Больше он ничего не сказал. Ни про двадцать два года брака, ни про четверги. Повернулся и включил воду. Тарелок в раковине оставалось три.

Никита в тот вечер был у отца: заехал за чем-то, остался ужинать. Он сидел в своей старой комнате за компьютером, в больших наушниках, спиной к двери. На экране кто-то бегал с автоматом по пустому городу. Я постучала по косяку. Он не услышал. Я подошла и тронула его за плечо.

Он снял один наушник.

— Никит, на минутку. Мы с папой разводимся. И я уезжаю. Надолго.

Он глянул на меня, затем на экран, где его персонаж стоял неподвижно и в него кто-то стрелял.

— Ну, удачи, — сказал он.

И надел наушник обратно.

Я постояла ещё немного. Персонажа на экране убили, и экран стал серым. Никита нажал что-то, и всё началось заново.

Заявление на развод мы подали только в декабре, когда я уже жила в Лиссабоне. Дима ничего не оспаривал и ни о чём не спрашивал.

Остаток лета я собирала документы на португальскую визу D7 для тех, кто живёт на пассивный доход, а пассивный доход у меня был: квартира на Соколе, сто десять тысяч в месяц.

Визу дали в начале октября, и в октябре я улетела. Шереметьево, рейс через Стамбул в Лиссабон. Люк обещал встретить, но я на всякий случай распечатала адрес квартиры, которую сняла в Алфаме. Колесо на скрепке держалось. Пропуск СПХ лежал в кошельке. Выложить его я не догадалась. Точнее, догадалась и не выложила.

Перед тем как выключить телефон, я написала Никите: «Улетаю. Буду писать. Люблю тебя». Сообщение доставилось. Две серые галочки.

Самолёт набрал высоту, принесли воду, я откинула кресло. И уснула. Сразу, до того как погасили свет в салоне, впервые за год. Без снов. Спала я до самого Стамбула, и стюардесса разбудила меня перед посадкой, тронув за плечо и показав на спинку кресла.

Я включила телефон. Галочки стали синими. Прочитано в 14:12.

Ответа не было. Я пересела на лиссабонский рейс и проспала его весь.

Комментарии

Под видео «Заречинск. Как нас закрывали». 1 716 412 просмотров.

Natasha_perm: Кто-то писал, что она давно за границей. Уехала тихо, как будто ничего не было. Красиво жить не запретишь.

Вовка_ЗМЗ: Сомову бы кто-нибудь так уехать дал. Он до сих пор тут. Вчера видел его у почты, с пакетом, газету покупал.

Lena_Kungur: А я бы тоже уехала. Не от стыда. Просто. Куда угодно, где никто не знает, как тебя зовут.

Сергей Ватутин: Пусть едет куда хочет. Только голос свой пусть с собой заберёт, а то он тут у нас остался.

Глава 8
Собеседование

Ксения Дорохова позвонила восемнадцатого декабря, в четверг, в половине девятого утра. Так звонят люди, которые хотят успеть до первого совещания и заранее знают, что разговор будет коротким. Мы были знакомы лет пятнадцать: сидели в одном комитете при отраслевом союзе, ездили на одни и те же форумы и раз в год обедали, чтобы обменяться новостями о чужих реорганизациях. Теперь Ксения входила в наблюдательный совет банка «Меридиан».

— Ир, привет. Слушай, у нас ищут директора по персоналу, — сказала она. — Я тебя порекомендовала. Только сразу говорю: решаю не я.

— Ксюша, спасибо. Правда.

— Да пока не за что. Начнёшь с директора по подбору, она молодая, но толковая. Котова. Знаешь такую? Председатель попросил её провести первый разговор. Ну, без лишних глаз, сама знаешь.

Алёну Котову я знала. Восемь лет назад она пришла ко мне в холдинг стажёркой, на три месяца, по программе для выпускников. Ей был двадцать один год, она носила одну и ту же серую юбку и записывала за мной в блокнот всё подряд, включая «добрый день». После своего первого сокращения (сорок восемь человек, складской комплекс в Домодедове)

она заперлась в туалете на сорок втором этаже. Я нашла её у раковины: она плакала и извинялась перед кем-то по телефону. Я дождалась, пока она положит трубку, и объяснила ей две вещи. Первая: держи паузу, человек напротив заполнит её сам и скажет больше, чем собирался. Вторая: никогда не извиняйся перед кандидатом. Извинение означает, что решение можно обсуждать. Она записала обе в блокнот, не вытерев лица.

— Знаю, — сказала я Ксении. — Моя стажёрка.

— Ну вот, тем более, — обрадовалась Ксения. — Значит, общий язык найдёте. Всё, Ир, бегу, у меня правление. Держи в курсе.

Директор по подбору подчиняется директору по персоналу. Выходило, что Алёна будет выбирать себе начальницу.

Собеседование назначили на вторник, двадцать третье, на одиннадцать утра.

Готовилась я три дня. Это было смешно, и смешнее всего было то, что я делала это с удовольствием. Я прочитала годовой отчёт банка, все сто сорок страниц, и выяснила, что в «Меридиане» одиннадцать тысяч двести сотрудников, а текучесть в розничной сети тридцать восемь процентов: за год из каждых трёх операционистов уходит больше одного, и в правлении никто не успевает запомнить их лица. Выписала на карточки вопросы, которые задала бы сама. Вышло двадцать шесть. На каждый я ответила вслух, перед зеркалом в прихожей, засекая время по телефону. Накануне примерила

серый «бюджетный» костюм: в нём я каждый год защищала бюджет перед советом директоров. Костюм сел. Это я отметила отдельно.

Из ящика кухонного стола я достала перьевой Parker, которым подписывала приказы, и положила в сумку. Писать им я не собиралась. В сумке он лёг во внутренний карман, где в рабочие годы лежал пропуск.

Офис «Меридиана» был у Павелецкой, в стеклянном здании, которое я помнила ещё котлованом. В лобби стояла ёлка в фирменных цветах банка, синих с серебром, и шары висели на ней через равные промежутки. Кто-то из хозяйственников, у которых лежат ключи от всех дверей, потратил на это рабочий день. Охранник выдал мне гостевой пропуск с надписью «Посетитель» и попросил вернуть на выходе. Свой пропуск, с фотографией и сорок вторым этажом, я доставать не стала. Он лежал в кошельке, за картой «Азбуки вкуса».

Переговорные в «Меридиане» назывались по меридианам. Меня проводили в «Пулково». За стеклянной стеной был «Гринвич», дальше по коридору «Ферро». Тому, кто это придумал, наверняка дали премию. Я бы тоже дала.

Алёна вошла в одиннадцать ноль три и не извинилась.

Она стала другой, и это было видно сразу. Короткая стрижка, дорогие белые кроссовки к брючному костюму, планшет и тонкий серый стилус. Кроссовки к костюму в банке можно начальству, остальным на усмотрение начальства. Блокнота не было. Она села напротив, положила стилус па-

раллельно краю планшета и улыбнулась мне так, как улыбаются фотографу в бюро пропусков.

— Ирина, добрый день. Спасибо, что нашли время.

Без отчества. В банках теперь все по имени, это называется «плоская структура». На практике это значит, что начальника зовут Денис, а увольняет он ровно так же, как увольнял Денис Петрович.

— Добрый день, Алёна.

— Кофе, воду?

— Спасибо, ничего не нужно.

— Тогда начнём с компетенций, если вы не против.

Я была не против. Кандидат рассказывает историю из своего опыта, интервьюер раскладывает её по четырём графам и ставит баллы. Когда я вводила эту методику в холдинге, Алёна сидела на тренинге в третьем ряду и чертила на полях таблицу. Теперь у неё на планшете была та же таблица, только красивее.

— Расскажите о проекте, в котором вам пришлось проводить изменения против воли большинства.

Я рассказала про Липецк. Слияние двух заводов, тысяча девятьсот человек, восемь месяцев, два профсоюза, которые ненавидели друг друга сильнее, чем меня, и ни одного судебного иска. Рассказывала так, как рассказывала когда-то совету директоров: цифры в начале, цифры в конце, одна живая деталь посередине (председатель профкома приносил на переговоры термос и пил чай один, не предлагая). Алёна пи-

сала стилусом. Когда я закончила, она подняла глаза и замолчала.

Я увидела, как она считает. На каждую секунду у неё чуть опускался подбородок. Я тоже так кивала, лет до тридцати пяти, пока не научилась считать про себя. Тишина в «Пулково» была дорогая, с еле слышным гулом вентиляции. На пятой секунде Алёна кивнула последний раз и перешла к следующему вопросу. Я мысленно поставила ей «отлично» и тут же на себя за это разозлилась.

Дальше были вопросы про вовлечённость персонала, про цифровизацию HR-процессов и про то, как я выстраиваю отношения с финансовым директором. На последнем я чуть не засмеялась. Ответила гладко, про «общий язык цифр» и «совместную ответственность за фонд оплаты труда». Вадим Рябов, с которым у нас была совместная ответственность, ровно неделю назад ушёл от меня из «Сыроварни», не доев.

— У вас в резюме пробел, — сказала Алёна. — Девятнадцать месяцев. Расскажите, пожалуйста.

Я рассказала. Коротко: ушла из компании, взяла год, чтобы понять, хочу ли возвращаться в профессию. Жила за границей. Вернулась, потому что хочу. Никакого «восстановления ресурса» (так теперь называют год, когда человеку не хочется вставать с дивана). Про Люка я не сказала ни слова. В анкете нет графы «француз с фургоном».

Алёна положила стилус на стол. Параллельно краю планшета, как в начале.

— Ирина, я обязана задать вопрос о медийной ситуации, — сказала она. — Вы понимаете.

«Медийную ситуацию» она произнесла аккуратно, кончиками пальцев, как берут горячую тарелку. «Вы понимаете» прозвучало почти так же, как в мае по видеосвязи, только без «Ира» и без «же».

— Понимаю.

И я ответила. Ответила лучше, чем на все предыдущие вопросы, лучше, чем репетировала в прихожей. Я сказала, что фраза на записи моя. Что решение о закрытии принимала не я, но это не имеет значения: голос мой, и отвечать мне. Что банк, который меня возьмёт, получит единственного в Москве директора по персоналу, который точно знает цену одной фразы, сказанной в зале, где кто-то положил телефон на стол экраном вниз. Что сотрудники будут слышать от меня только то, что я готова потом услышать в записи. Я говорила спокойно, в нужных местах держала паузу и ни разу не извинилась.

Стилус лежал на столе. Он лёг туда после вопроса про пробел и больше не поднимался. Я договорила, и Алёна снова посчитала до пяти. В этот раз без кивков.

— Спасибо, Ирина. Очень содержательно. Мы вернёмся к вам с обратной связью в течение двух рабочих дней.

Два рабочих дня придумала я. Достаточно, чтобы кандидат не подумал, будто всё решено заранее, и слишком мало, чтобы он успел начать надеяться.

Она проводила меня до лифтов. В холле было пусто, только уборщица протирала латунную табличку с названием банка. Алёна нажала кнопку и, пока лифт ехал, смотрела на цифры над дверью.

— Ирина Сергеевна, — сказала она вдруг, тише. В первый раз за час по отчеству. — Я до сих пор держу паузу. Пять секунд.

— Я заметила. Ты кивала.

Она покраснела сразу вся, от шеи. Пришёл лифт. Я вошла, повернулась к ней лицом, и двери закрылись раньше, чем кто-нибудь из нас придумал, что ещё сказать. Гостевой пропуск я сдала охраннику. Охранник сказал: «Хорошего дня». Я сказала: «И вам».

Письмо пришло в четверг, двадцать пятого, в 17:52. У меня было правило: отказы рассылать до шести вечера и никогда в пятницу, чтобы человек не носил отказ с собой все выходные. Правило соблюли.

Ирина, добрый день!

Благодарим Вас за интерес к банку «Меридиан» и уделённое время. Мы были рады знакомству, но выбрали кандидата, чей опыт точнее соответствует текущим задачам команды. Мы сохраним Ваше резюме в кадровом резерве и, при появлении подходящей позиции, обязательно с Вами свяжемся.

Желаем Вам успехов!

Этот текст я написала одиннадцать лет назад. Я была то-

гда заместителем директора по персоналу, сидела на тридцать девятом этаже, и мне поручили «привести коммуникацию с кандидатами к единому стандарту». Я выбросила из всех шаблонов «к сожалению»: оно звучит как сочувствие, а сочувствие кандидат принимает за приглашение к переговорам. «Вам» с большой буквы оставила, вежливость бесплатная. Корректор из юридического, Анастасия Фёдоровна, вернула мне черновик с пометкой на полях: «Запятая после „и“ факультативна». Я написала под её пометкой: «Это пауза. Оставить». Запятая стояла на месте. Мои стажёры потом уносили этот текст с собой по всему рынку. В «Меридиан» его, видимо, унесла Алёна.

Кадровым резервом в таких письмах называют папку на сервере, куда кладут резюме, чтобы не выбрасывать их при кандидате. За девять лет я открыла её дважды, оба раза по ошибке.

Я медленно перечитала письмо, дошла до запятой и заплакала. Это заняло меньше минуты. В мае, когда юрист так и не включил камеру, я не плакала. В Шереметьеве, с отбитым чемоданом, тоже. Плакала я некрасиво, громко, с открытым ртом, и слышала себя со стороны, как слышат соседей через стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.